

КАЗАХИ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

посвященный 300-летию города Омска
и 150-летию со дня рождения А.Н. Букейханова
(Омск, 19–20 октября 2016 г.)

2016 г.

Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Павлодарский государственный педагогический институт

КАЗАХИ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Омск
Издательство Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

Павлодар
Издательство Павлодарского
государственного
педагогического института

2016

УДК 39+82.0+929+902
УДК 94 (574) (082)
ББК 63.3 (5 каз)
К 14

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. ред.), канд. ист. наук Ш.К. Ахметова (отв. ред.), канд. ист. наук А.А. Ильина (отв. ред.), канд. ист. наук И.В. Толпеко (отв. ред.), канд. ист. наук С.Н. Корусенко, канд. ист. наук А.Г. Селезнев, Т.Н. Смагулов.

К 14 Казахи Евразии: история и культура: сб. науч. трудов / [гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред.: Ш.К. Ахметова, А.А. Ильина, И.В. Толпеко]. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского; Павлодар: Изд-во Павлод. гос. пед. ин-та, 2016. – 314 с.
ISBN 978-5-7779-2047-8 (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского). – ISBN 978-601-267-410-1 (Павлод. гос. пед. ин-т)

В сборник научных трудов вошли статьи, написанные по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию города Омска и 150-летию со дня рождения А.Н. Букейханова (Омск, 19–20 октября 2016 г.), проведенной по инициативе и поддержке Региональной общественной организации «Сибирский центр казахской культуры «Мәлдір». В книге представлены работы, посвященные различным проблемам истории и культуры казахов Евразии.

Для историков, археологов, этнографов, культурологов, политологов, музейедов и всех интересующихся историей и культурой Казахстана и России.

УДК 39+82.0+929+902
УДК 94 (574) (082)
ББК 63.3 (5 каз)

ISBN 978-5-7779-2047-8
(ОмГУ им. Ф.М. Достоевского)

ISBN 978-601-267-410-1
(Павлод. гос. пед. ин-т)

© Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, 2016

© Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН, 2016

© Павлодарский государственный
педагогический институт, 2016

А.Е. Рогожинский

*Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»,
Алматы, Казахстан*

КАЗАХСКИЕ ТАМГИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОТКРЫТИЯ

Статья посвящена удостоверительным знакам казахов: родоплеменным тамгам Старшего, Среднего жузов и тамгам, применявшимся в XVIII-XIX вв. представителями сословия торе (чингизиды). Исследование проведено на основе аутентичных источников – архивных документов, наскальных изображений и мемориальной эпиграфики, выявленных в настоящее время. Проводится верификация данных о тамгах казахов в трудах ученых XIX-XX вв. На основе новых источников устанавливаются генеалогические связи различных патронимических групп в составе Старшего и Среднего жузов. Выделены основные типы знаков сословия торе, определены тамги трех генеалогических ветвей династии казахских чингизидов.

Ключевые слова: казахи, тамга, жуз, торе, чингизиды, генеалогия, клан.

A.E. Rogozhinskiy

*Research and restoration laboratory «Ostrov Krym»,
Almaty, Kazakhstan*

KAZAKH TAMGAS: NEW RESEARCH AND DISCOVERIES

The article is concerned with identification signs of nomadic Kazakhs clan: the tamgas of the Old and Middle Juz (tribal unions) as well as signs that were used by the members of the *tore* estate (chingizids) in XVIII-XIX. This research is based on authentic sources including archives, petroglyphs (tamgas), and memorial epigraphy identified recently. Also verification of the information on Kazakh tamgas presented in works of XIX–XX cc. scholars is conducted. Based on some new data we were able to establish the genealogical relationships between different groups within the Old and Middle Juz. The major types of identification signs used by the members of the *tore* estate were identified and the tamgas representing the three genealogical branches of the Kazakh dynasty of chingizids were established.

Keywords: Kazakhs, tamga, Juz, *tore*, chingizids, genealogy, clan.

Впервые тамги казахов привлекли внимание русских исследователей в последней четверти XVIII в., затем, по мере расширения российского суверенитета в казахской степи, регистрация удостоверительных знаков племен и родов Младшего, Среднего и Старшего жузов продолжалась вплоть до конца XIX в. Сводный «Список тамг» казахов трех жузов, помещенный в приложении к капитальному труду Н.И. Гродекова в 1889 г. [10, приложение 2, с. 4-7], стал важным ресурсом для этнологических очерков Н.А. Аристова [6; 7], прежде других воспользовавшегося им для «выяснения этнического состава киргиз-казаков». Позже он многократно привлекался в том же качестве отечественными и зарубежными исследователями прошлого столетия. Однако проведенный в наши дни критический анализ литературных данных заставляет с осторожностью относиться к собраниям казахских тамг в трудах А.И. Левшина, Н.И. Гродекова, М.М. Тынышпаева, стимулируя дополнительный поиск и изучение аутентичных источников. Приоритетными среди таковых выступают оригинальные архивные

документы и памятники эпиграфики, содержащие графически адекватные формы знаков и достоверные сведения о клановой принадлежности их предъявителей. Активные полевые и архивные изыскания, проводившиеся в последние десятилетия разными учеными, позволили ввести в научный оборот большой объем новых источников [1; 4; 12; 18; 19; 20; 26]. Благодаря этому удалось точно атрибутировать серию известных ранее знаков Старшего и Среднего жузов, внести существенные коррективы в сводки первых исследователей казахских тамг, а затем уточнить или пересмотреть ряд заключений относительно сходства и отличий тамговых знаков родственных племен, сосуществования различных тамг у одних и тех же патронимических групп и др. Кроме того, на основе широкого круга источников впервые стало возможным специальное изучение знаков-эмблем сословных групп казахского общества – торе, кожа и туленгутов. В частности, определены основные типы графических форм «ханской тамги» [21], выявлены локальные особенности их начертания и установлена связь разных форм знаков с определенными генеалогическими ветвями казахских чингизидов [22]. В данной публикации по необходимости кратко освещаются эти и другие наиболее важные результаты изучения казахских тамг на современном этапе.

Банк данных по тамгам казахов на сегодняшний день включает неравноценные по репрезентативности коллекции идентифицированных знаков: *этнографическую*, полученную в ходе специальных опросов, проводившихся в разные годы в ряде районов Западного, Южного, Восточного Казахстана и Семиречья; *эпиграфическую*, объединяющую недвижимые памятники разных видов – эпитафии, наскальные изображения и надписи, обнаруженные практически на всей территории страны; *архивную*, представленную документальными материалами, выявленными в центральных архивах Казахстана, Узбекистана и России в 2007–2015 гг. Наиболее информативны и составляют львиную долю совокупного банка данных архивная и эпиграфическая коллекции: вместе они насчитывают сотни аутентичных объектов, охватывающих значительный отрезок исторического времени (конец XVIII – начало XX вв.) и большую часть этнической территории расселения казахов. Этот уникальный массовый и разнообразный в типологическом отношении материал не только позволяет перейти к всестороннему изучению многовековой традиции тамгопользования в кочевом обществе казахов, но также расширяет возможности для изучения генеалогической структуры казахских жузов, выяснения роли отдельных групп племен в этногенезе других народов Центральной Азии и Восточной Европы. Постановке таких перспективных задач в методическом плане предшествует процедура идентификации удостоверительных знаков различных патронимических объединений (родов и племен) и социальных групп.

Тамги казахов Старшего жуза сравнительно поздно стали объектом специального изучения: лишь со второй половины XIX в., когда южные области Казахстана вошли в состав Российской империи, сложилась благоприятная политико-административная ситуация для их регистрации и систематизации европейскими учеными. К сожалению, воспользоваться такой возможностью удалось немногим исследователям (рис. 1); единственный раз в дореволюционный период целенаправленный сбор первичных данных по «большеордынским тамгам» был организован военным губернатором Сырдарьинской области Н.И. Гродековым в 1884–1886 гг. и осуществлен А.Н. Вышнегорским в южных областях Казахстана [10, с. IV–VI]. Заметим, что к тому времени в

основном завершилось начавшееся еще во второй половине XVIII в. переселение из Туркестана и расселение в пределах Семиречья главных племен Старшего жуза: жалайыр, сарыуайсын, албан, суан, шапырашты, ысты и частично – дулат и канлы. Возможно, поэтому собранные А.Н. Вышнегорским сведения о родовом составе перечисленных племен оказались неполными, а тамги некоторых из них, как выясняется сегодня, воспроизведены с искажениями [20, с. 103–104]. Тем не менее, впервые опубликованные Н.И. Гродековым тамги казахов Старшего жуза были восприняты в целом как достоверные сначала Н.А. Аристовым, а затем другими исследователями – Шакаримом Кудайбердыулы, Ж.-А. Кастанье, М.М. Тынышпаевым, С.А. Аманжоловым, В.В. Востровым и М.С. Мукановым [2; 9; 14; 27; 29]. В 1925 г. М.М. Тынышпаев внес в реестр тамговых форм некоторые изменения, но в дальнейшем список родоплеменных знаков казахов существенно не пополнился, поскольку в советское время по идеологическим мотивам данная тема не могла стать ключевой для этнографической науки Казахстана. В известной монографии В.В. Вострова и М.С. Муканова имеются ссылки на материалы полевых исследований, как правило, подтверждающих точность графических форм знаков, приводимых Н.И. Гродековым [9, с. 39, 46], но авторы ничего не сообщают о степени осведомленности своих информаторов. Только в посмертном издании книги казахстанских этнографов в 2000 г. в отдельных случаях приводятся тамги другого вида [5, с. 63]. Таким образом, на протяжении всего XX в. исследователи были вынуждены оперировать весьма ограниченным и слабо верифицированным кругом источников по родоплеменным знакам Старшего жуза, сформировавшимся в основном благодаря трудам Н.И. Гродекова и М.М. Тынышпаева.

Обращение к народной памяти для уточнения форм родоплеменных знаков сегодня становится малоперспективным, прежде всего, в связи с утратой в прошлом столетии социально-экономических основ, поддерживавших в кочевом обществе казахов традицию тамгопользования. Как показывает практика, тематические опросы редко дают положительные результаты, поскольку люди старшего поколения, родившиеся в советское время, обычно не знают тамги своего рода или указывают знаки, известные им из научно-популярных изданий, основанных на упомянутых источниках [1, с. 451]. Более эффективным в настоящих условиях становится систематическое изучение архивных материалов – оригинальных письменных документов XVIII–XIX вв., авторы которых хорошо знали и традиционно пользовались тамгами. Ниже подводятся итоги работы по выявлению «своеручных тамг» казахов Старшего жуза в фондах Центрального государственного архива Казахстана (ЦГА РК), первые результаты которой опубликованы автором в 2010 г.

В состав Старшего жуза в конце XIX в. входили 11 племен – неодинаковые по численности, составу родов, происхождению и своему положению во внутрижузовой иерархии поколений: жалайыр, ошакты, сарыуайсын, дулат, албан, суан, сиргели, канлы, ысты, шанышкылы (катаган) и шапырашты. Согласно традиционной генеалогии, прародителем казахов Старшего жуза считается Уйсын, а его потомками Сарыуайсын, Дулат, Албан, Суан и другие, в связи с чем до середины XIX в. сохранилось собирательное название этого племенного союза – «уйсуновская», или «юсуновская» орда [9, с. 26–27; 13, с. 407, док. №156].

Попытки сопоставить данные традиционной генеалогии и тамги казахов Старшего жуза, чтобы разобраться в сложных отношениях родства племен, впервые были предприняты Н.А. Аристовым. Но ввиду «скудости сведений о тамгах самих большеордынцев», «которые собраны, и то конечно не вполне, лишь в пределах Сыр-Дарьинской области» [6, с. 421], некоторые выводы исследователя, как выясняется теперь, оказались ошибочными. «Сары-уйсуны по тамге оказываются не имеющими ничего общего с дулатами и их родичами», – к такому заключению пришел Н.А. Аристов [там же, с. 422] на основании рисунка тамги, опубликованного Н.И. Гродековым. Однако в изученных письменных документах подобное изображение как самостоятельный знак какого-либо подразделения казахов не встречается; неизвестен он и среди наскальных изображений Чу-Илийского междуречья в Семиречье, где располагались с 1868 г. кочевья казахов Сарытокумовской волости, состоявшей в основном из *сарыуйсынов*. Только по архивным материалам удастся определить общеплеменную тамгу и тождественные ей знаки отдельных родов сарыуйсынов (рис. 1). Во всех документах знак выглядит как окружность с отходящей вниз прямой линией, пересеченной в средней части короткой чертой. Основное положение тамги – окружностью вверх; когда список «нижеприложивших тамги» на документе не оставляет достаточно места для вертикального расположения знака, тамга рисуется горизонтально, окружностью вправо. Поперечная линия иногда изображается с загнутыми кверху концами, вытянутыми вдоль контура окружности. Такой «каллиграфический изыск» обычно присутствует на тамгах биев, аульных старшин и почетных лиц, по-видимому, знакомых с письменной грамотой. Подобная тамга изображена на скале у колодца в пределах Сарытокумовской волости и зафиксирована на фотографиях Н.Н. Пантусова (1897 г.) [20, с. 119, рис. 8].

Необычная форма знака с прямоугольником вместо окружности, которая была представлена Н.И. Гродековым как тамга сарыуйсынов, скорее всего, являлась ее неумелым воспроизведением рукой безвестного информатора А.Н. Вышнегорского. В документах XIX в. встречаются примеры столь же небрежного «своеручного» изображения родовых знаков тамгопредъявителями, слабо владевшими пером (см., например: ЦГА РК. Ф. И-44, оп. 1, д. 40312, л. 1об.). Как видно, вывод Н.А. Аристова об исключительности тамги сарыуйсынов был преждевременным.

Одним из самых крупных и сложных по составу являлось племя *дулат*, подразделявшееся на четыре рода: ботпай, шымыр, сикым и жаныс. Со времен Н.И. Гродекова общеплеменным знаком дулатов большинством исследователей признается тамга в виде окружности («донгелек»); только М.М. Тынышпаев без ссылки на источники привел несколько иную тамгу – окружность, пересеченная вертикальной чертой. В изученных документах, где предъявителями тамг выступают казахи Старшего жуза Семиреченской области, оба знака встречаются крайне редко – в списках рядовых выборщиков местной администрации волостей, рядом с известными тамгами других родов дулатов и шапырашты. По частоте и условиям предъявления их трудно признать тамгами общеплеменного значения, хотя точно атрибутировать эти единичные образцы знаков пока не удается.

В действительности тамгой племени дулат и всех четырех его родов выступает знак тождественный по форме тамге племени сарыуйсын. Именно он чаще всего фигурирует в документах, подтверждая идентичность предъявителей

на разных уровнях отношений индивида или коллектива сородичей с представителями иных патронимических групп или колониальной администрации. Но наряду с этим существовали особые тамги родов и отделений, которые по своему виду отличались от основной тамги дулатов. При этом особая форма знака образуется за счет добавления новых элементов к общеплеменной тамге, как у рода ботпай, или представляет собой иную графическую фигуру (полумесяц, соединенные под острым углом две линии), производную от основного знака, как у части отделений рода жаньс. В первом случае образование сыновних форм тамги может означать выделение родственных кланов путем дробления рода, во втором, – наоборот, за счет включения в состав рода новых подразделений (*кiрме*), не связанных традицией единого генеалогического родства. Наконец, основной знак дулатов без каких-либо изменений графической формы использовался многими отделениями в качестве собственной родовой тамги; например, весьма многочисленным отделением каскарау рода жаньс. Так же не удается обнаружить особые формы знаков двух других родов дулатов – шымыр и сикым; изученные материалы свидетельствуют об использовании этими родами только основной тамги дулатов. Более того, по архивным документам однозначно устанавливается принадлежность отделениям кудайкул и алимжан рода ботпай (см., например: ЦГА РК. Ф. И-44, оп. 1, д. 21343, л. 625) особой тамги, которая ранее, по Н.И. Гродекову, ошибочно приписывалась роду сикым.

Общеплеменной статус основной тамги дулатов отчетливо проявляется в исключительном использовании этого знака для обозначения мест постоянных зимовок «дулатовских волостей», в последней трети XIX в. соседствовавших на западе Семиречья с кочевьями других племен Старшего и Среднего жузов. В центре междуречья р. Чу и р. Или компактно расселялись общины ботпай, сикым и шымыр, южнее – род жаньс чересполосно с родами шапырашты других волостей, с которыми дулаты соперничали и на востоке своих кочевых владений. На северо-западе Чу-Илийских гор общины шымыр Верненского и Аулиеатинского уездов отстаивали свои права на зимовки вдоль правобережья р. Чу, на Хантау и в горах Джамбул, кочуя в соседстве с аргынами Семипалатинской области. Вдоль всей протяженной общей границы «дулатовских волостей» сегодня обнаружены десятки стоянок конца XIX – начала XX вв., отмеченные наскальными изображениями общеплеменной тамги дулатов; при этом на внутренней территории их расселения тамги у зимовок почти не встречаются, несмотря на существование разделительных границ между волостями [4, с 147-149, 227-261]. Так на примере землепользования кочевников Семиречья подтверждается установленное независимым путем по архивным данным определение регулятивной функции основной тамги дулатов как особого знака для внешнего предъявления.

В отношении форм родоплеменных знаков племен албан и суан, фигурирующих в «Списке тамг» Н.И. Гродекова, тоже необходимо внести существенные поправки. Сегодня известно, что незадолго до этнографической миссии А.Н. Вышнегорского в кочевья Сырдарьинской области практически с той же целью проводил сбор данных среди казахов восточной части Семиречья капитан Н.М. Изразцов – по поручению главного начальника Туркестанского края К.П. фон Кауфмана [12, с. 161-164]. Рукопись отчета Н.М. Изразцова, хранившаяся в тот период в Ташкенте, но опубликованная только в наши дни, по досадному недоразумению оказалась недоступной Н.И. Гродекову; случись иначе,

возможно, удалось бы избежать еще одного столетнего заблуждения, касающегося тамги племени *албан*. «Все албаны, – пишет Н.М. Изразцов [там же, с. 236], – имеют общую тамгу \times° , и только до 20 юрт (семей) рода альджан имеют свою особую тамгу – \times° ». Материалы архивной коллекции тамг подтверждают мнение исследователя: как среди дулатов, знак «уйсуновского» типа обладает статусом общей тамги племени албан, а также служит удостоверительным знаком некоторых его подразделений. Возможно, отличие заключается в том, что тамга часто изображалась окружностью вниз, вправо или влево. Архивными документами подтверждается и принадлежность тамги в виде окружности с тремя радиальными лучами роду алжан и его отделению аламан, ошибочно приписывавшаяся Н.И. Гродековым дулатовскому роду ботпай, а М.М. Тынышпаевым – племени суан. Небольшая группа документов указывает на существование особой тамги – окружность с отходящей вниз линией – у отделений родов конырборик и шоган; знак этой формы ранее отождествлялся с общеплеменной тамгой албанов. Наконец, у албанов рода бозым отделений баба и жаныбек обнаружена еще одна разновидность особой тамги в форме окружности с двумя линиями, отходящими вниз и вправо вверх; с подачи исследователей, некритично воспринявших «Список тамг» Н.И. Гродекова, такой знак и поныне популяризируется как единая тамга казахов племени суан [30, fig. 2.]. Таким образом, по архивным источникам установлено, что наряду с основной тамгой, идентичной общеплеменной тамге сарыуйсынов и дулатов, по меньшей мере, четыре рода (конырборик, шоган, алжан и бозым) племени албан пользовались тамгами особого вида, которые невозможно признать производными от более сложного знака «уйсуновского» типа.

Кроме общей для сарыуйсынов, дулатов и албанов тамги, казахи племени *суан* имели особый знак в виде окружности с отходящей от нее вниз прямой линией. В архивной коллекции эта тамга многократно представлена и как родовой знак разных отделений, что позволяет рассматривать ее как единую тамгу суанов. Тождество формы данной тамги с особым знаком группы перечисленных выше родов племени албан является очевидным.

Благодаря обилию информативных документов удалось идентифицировать тамги большинства родов племени *жалайыр* в форме «*тарак*»-тамги (каз. *тарақ* – гребень), которая выступает одновременно общеплеменным знаком жалайыров. Простая форма тамги в виде трех параллельных линий, соединенных сверху горизонтальной чертой, изображалась преимущественно жалайырами Семиречья, в то время как их сырдарьинские соплеменники изображали ее с небольшим завитком на одной из крайних линий; эта черта может рассматриваться как локальная палеографическая особенность.

Общеплеменным знаком *шапырашты* выступает тамга в форме равностороннего или равнобедренного треугольника («*тумар*»), обращенного основанием или вершиной вверх. Других форм знаков этого племени архивные документы не содержат. Обнаружены и недвижимые памятники – остатки зимовки, отмеченной наскальным изображением «*тумар*» - тамги с датой 1869 г. и именной надписью управителя одной из волостей шапырашты [20, с. 115, 119-120, рис. 4, 6]. Этими материалами подтверждаются данные М.М. Тынышпаева о существовании сходного знака у двух племен Старшего жуза – шапырашты и *ошакты*. В архивной коллекции тамг имеются небольшие серии знаков других

племен Старшего жуза – *ысты, канлы, сиргели* и *шанышкылы*, которые в целом совпадают по форме с тамгами тех же племен, показанными у Н.И. Гродекова.

Таким образом, уточненные данные о тамгах основных племен Старшего жуза позволяют сделать несколько выводов. Прежде всего, выявленное истинное начертание тамги племени сарыуйсын, одновременно являвшейся объединяющим знаком для дулатов, албанов и суанов, наглядно подтверждает обоснованность исторического наименования Старшего жуза («уйсуновская орда»), этнополитическим ядром которого выступает объединение этих четырех племен. Только у сарыуйсынов и большей части дулатов такой знак универсально выступает на всех уровнях внутрплеменной генеалогии, что может означать глубокое, изначальное родство, а не только политический союз двух патронимических образований. Другой тип связей демонстрируют удостоверительные знаки албанов и суанов: с одной стороны, типологическое сходство особых родовых тамг указывает на генеалогическое родство какой-то части обоих племен, с другой, – производные от «уйсуновской» тамги особые знаки албанов и суанов сосуществуют с ней, как символом политического доминирования. Наконец, формы знаков остальных племен Старшего жуза не дают повода для рассмотрения иных связей с ядром этого объединения, кроме этнополитических. Не углубляясь здесь в проблему исторической последовательности и хронологии формирования столь сложного объединения, как Старший жуз, необходимо добавить, что среди множества известных сегодня в Семиречье и Южном Казахстане наскальных изображений тамг античного (сако-усуньского) времени и средневековья отсутствуют знаки, сопоставимые с «уйсуновской» тамгой казахов [23, рис. 1]. Другими словами, данный корпус источников не позволяет связывать обладателей этой тамги с какой-либо частью населения региона домонгольской эпохи.

Плодотворным оказалось изучение на современном этапе родоплеменных знаков казахов Среднего жуза. Критический анализ литературных данных и архивные изыскания, проведенные в 2012–2014 гг. А.К. Таласбаевой [26] под руководством автора, посвящены тамгам *найманов* – одного из самых крупных племенных объединений казахского народа (рис. 2). Исключительно сложный родоплеменной состав найманов отличается неоднородностью, что нашло отражение в типологическом разнообразии знаков: «ни у одного племени Среднего жуза не встречается такое многообразие родовых тамг, как у найманов» [16, с. 45-46]. В целом верное наблюдение не помешало С.М. Аманжолову и М.С. Муканову сделать противоречивый вывод о существовании у найманов наряду с особыми знаками племен общей тамги в форме «V» [2, с. 15]. Основанием для этого служила ссылка на изображение тамги «найманского поколения», помещенного впервые в труде А.И. Левшина [15, с. 134-135, вклейка], а затем принятое за установленный факт Н.И. Гродековым, Н.А. Аристовым, Ш. Кудайбердыулы и М.М. Тынышпаевым. Однако изучение архивных материалов XVIII–XIX вв., относящихся к тамгопользованию основных подразделений найманов, показало, что такого знака не было ни у одного племени или рода. Возможным графическим прототипом несуществующей «общеплеменной» тамги найманов мог стать только знак племени баганалы в форме «Y» (что допускалось и М.С. Мукановым), который был неточно воспроизведен «Геродотом казахского народа» в первом издании «Описания киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей». В то же время изучение аутентичных

источников позволило достоверно установить сходство знаков, применявшихся такими подразделениями найманов, как каракерей, матай и садыр. Тем самым снимается противоречие между данными традиционной генеалогии этих тесно связанных родов и сложившимся представлением о типологическом несовпадении их тамг, образцы которых фигурируют в работах перечисленных авторов.

Отдельное исследование предпринято с целью выяснения исторически достоверной формы «ханской тамги» казахских чингизидов (*торе*). Надо заметить, что в отличие от тамговых знаков казахских племен и родов, изучение которых ведется более двухсот лет, удостоверительные знаки-эмблемы казахских торе прежде специально не изучались. Тамги султанов фиксировались дореволюционными исследователями от случая к случаю в разных регионах и всегда лишь в дополнение к родоплеменным знакам, разнообразие которых привлекало перспективой разобраться в проблеме формирования казахского народа. На фоне такой масштабной задачи тема «дворянской тамги» не вызывала особого энтузиазма у исследователей XIX – начала XX вв. Дело ограничилось констатацией сходства сословного знака торе с тамгами отдельных казахских племен и с династийными знаками других генеалогических ветвей джучидов – крымских ханов [7, с. 287; 25, с. 83].

Регистрация российскими исследователями сословно-личных знаков торе началась в последней четверти XVIII в., эпизодически продолжалась в следующем столетии и завершилась в начале XX в. [21]. Стараниями ученых дореволюционной поры собраны ценные сведения о тамгопользовании казахских джучидов, выявлены 7 разновидностей их знаков, для обозначения которых применялись разные наименования: «*джа-ок*»/«*жаа-ок*», «*хан-тамга*», «*тарак-тамга*», «*султанская тамга*». В трудах отдельных авторов [3, с. 46; 25, с. 92] воспроизведены тамги, заимствованные из подлинных архивных документов официальной переписки казахских торе с оренбургской и западносибирской администрацией. Однако в советский период историографическая традиция изучения геральдики «классово чуждого» аристократического сословия торе прервалась на многие десятилетия. Лишь дважды в научных изданиях помещались образцы «ханской тамги»; в обоих случаях неудачно подобранные типографские литеры весьма условно, с искажениями передавали форму некоторых разновидностей знака [8, с. 220; 27, с. 30], которые в стилизованном виде фигурируют в наши дни как достоверное изображение эмблемы казахских чингизидов [24, обложка]. При этом остаются без объяснения и множественность зафиксированных названий знака торе, и разнообразие их форм, и стоящие за этим, вероятно, определенные исторические, социально-политические или иные условия их предьявления.

Основу нашего исследования составила коллекция идентифицированных тамг торе, которая насчитывает около ста знаков, датированных в интервале 1785–1913 гг. В собрание входят персональные знаки чингизидов, связанных условиями совместного кочевания и управления с разными племенами казахов Старшего, Среднего и Младшего жузов на всей территории Казахстана, а также смежных областей Узбекистана (Хива) и Монголии (рис. 3). Среди учтенных знаков преобладают тамги, размещенные на страницах письменных документов из 11-ти фондов ЦГА РК; архивная коллекция дополняется знаками на надгробных памятниках из некрополей Букеевской Орды [1, с. 169–170, 560–567, рис. 209, 411, 418–420; 18; 19]. В числе предьявителей знаков численно преобладают султаны, но есть также 6 обладателей ханского титула (Вали (1781–1821), Есим (1795–

1797), Жангир (1823-1845) и др.) и две ханские супруги (Атан-ханым, жена Букей-хана, и Кунимжан-ханым, жена Кенесары-хана). В генеалогическом отношении в коллекции представлены разные ветви казахских джучидов, ведущих свое происхождение от султанов Жадика («старшая» ветвь династии) и Осека («младшая» ветвь династии), сыновей хана Жанибека (1465-1474), одного из основателей Казахского ханства.

Всего выделяется 10 разновидностей тамговых знаков, использовавшихся торе, по меньшей мере, с конца XVIII в. На основании свидетельств ряда авторитетных информаторов дореволюционных исследователей устанавливается наличие статусных отличий сословных знаков. Группа знаков идентифицируется как «ханская тамга»: 1) Π – знак «*джя-ок*, то есть лук со стрелой» [11, с. 275, № 351; 21, с. 671–672]; 2) \mathcal{M} – тамга правителей Букеевского ханства [17, с. 69; 22, с. 267]; 3) \mathcal{W} и, возможно, \mathcal{C} – тамга, статус которой определяется фамильными связями казахских чингизидов, управлявшими кочевниками низовьев Сырдарьи, остававшимися до середины XIX в. под юрисдикцией Хивы [21, с. 676–677; 22, с. 267–268]. Удостоверительные знаки других видов относятся к разряду так называемых «султанских тамг», применявшихся разными представителями сословия торе в зависимости от многих, пока не вполне выясненных, условий.

Распределение знаков всех видов на генеалогической схеме носит упорядоченный характер: с одной стороны, имеются тамги, присутствующие во всех родословных цепочках; с другой же, – есть группа знаков, связанных только с одной или несколькими ветвями торе, возглавляемыми общими родоначальниками. В последнем случае отчетливо выделяются следующие фамильные ветви: 1) потомки Абулхаир-хана начиная по времени с хана Жангира; 2) потомки Каип-хана II (1746-1756); 3) потомки Турсын-хана (ум. в 1717) и Жангир-хана I (ум. в 1652). Тамга правителей Букеевского ханства \mathcal{M} не применялась чингизидами «старшей» ветви династии; тамга \mathcal{W} зафиксирована пока только у потомков «хивинского» Каип-хана II; все другие представители «старшей» ветви династии не использовали знаки своих современников, принадлежавших к первым двум названным фамилиям, но те, в свою очередь, применяли некоторые общие знаки династии: $\Pi\Pi\Pi\Pi$. Отмеченные особенности фамильного тамгопользования демонстрируются также небольшой серией знаков женщин – представительниц сословия торе.

Таким образом, раскрывается многообразие геральдики торе, отражающее как династическое единство и общность происхождения казахских чингизидов, так и формирование в определенные исторические моменты самостоятельных ветвей династии, стремившихся – в том числе с помощью внешних знаков отличия – утвердить собственный суверенитет в той или иной части Степи и за ее пределами. К сожалению, пока не удается выяснить, сохранялась ли ведущая роль генеалогического принципа в выборе удостоверительного знака при изменении политического статуса торе (принятие другого подданства).

Выявление общединастийной тамги торе Π поднимает вопросы происхождения самого знака и родства казахских джучидов с другими ветвями чингизидов. Сходство «ханской тамги» далеких потомков Жанибека с тамгой крымских Гиреев, которое констатировали Н.А. Аристов и Д.Н. Соколов [7, с. 287; 25, с. 17], кажется очевидным. По существу, этот факт мог бы стать решающим аргументом в дискуссии о происхождении Урус-хана – прямого предка первых казахских ханов Керей и Жанибека – по линии генеалогии,

восходящей к Орда-Эджену или Тукай-Тимуру, сыновьям Джучи (см. обзор дискуссии и библиографию проблемы: [28, с. 171-184]). Однозначному решению проблемы препятствуют, как минимум, два обстоятельства: 1) отсутствие источников, зримых свидетельств, подтверждающих наличие у казахских джучидов XV–XVII вв. такой же тамги, как установленный общединастийный знак их потомков в конце XVIII – начале XX вв.; 2) многочисленные археологические и эпиграфические материалы, свидетельствующие о существовании основных вариантов знака (ᠰᠤᠲᠤᠨ) в междуречье Таласа и Сырдарьи еще до монгольского завоевания [22, с. 270-271].

Источники и литература:

1. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: «Гылым», 2002. 654 с.
2. Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата: Изд-во Алма-Атин. пед.ин-та, 1959. 450 с.
3. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: «Гылым», 1998. 280 с.
4. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения / Ерофеева И.В., Аубекеров Б.Ж., Рогожинский А.Е. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 271 с.
5. Арғынбаев Х., Мұқанов М., Востров В. Қазақ шежіресі хақында. Алматы: Атамұра, 2000. 462 б.
6. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1894. С. 391-486.
7. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1896. С. 277-456.
8. Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона / Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзеком в 1871 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1948. С. 159-222.
9. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1968. 256 с.
10. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. I. Ташкент: Типо-лит. С.И. Лахтина, 1889. 544 с.
11. Ефименко П.С. Юридические знаки // Журнал министерства народного просвещения. Четвертое десятилетие. Ч. 176. 1874. С. 272–293.
12. Изразцов Н.М. Степные обычаи и законы. Записки и письма капитана Н.М. Изразцова о народных обычаях казахов Семиреченской области. 15 июня 1879 г. – 5 февраля 1881 г. (Б.Т. Жанаев и Н.П. Кропивницкий) // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы: ЛЕМ, 2011. С. 161–266.
13. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 746 с.

14. Кудайберды-улы Шакарим. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Алма-Ата: Жазушы, 1990. 118 с.
15. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. Этнографические известия. СПб.: типография К. Крайя, 1832. 304 с.
16. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974. 200 с.
17. Мукатаев Г.К., Ирхина М.В. Султан Габайдулла Чингисхан, полный генерал от кавалерии. Документы и материалы. СПб: Изд. М.В. Ирхиной. 2003. 159 с
18. Муминов А.К., Нурманова А.Ш., Медерова Д.Е. Эпиграфические памятники Западно-Казахстанской области как источник по общественно-политической и духовной истории Казахстана // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 224-236.
19. Мырзагалиева Г.С. Изучение надгробных памятников некрополя Хан зираты // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 248–258.
20. Рогожинский А.Е. «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научн. чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. междунар. научн. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 101-127.
21. Рогожинский А.Е. «Ханская» тамга казахских джучидов // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сб. историч. документов в 2-х томах / Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев; сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева. Т. I: Письма казахских правителей. 1675-1780 гг. Алматы: «АБДИ Компании», 2014. С. 669-678.
22. Рогожинский А.Е. Сословно-династические знаки казахских торе // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 262–273.
23. Рогожинский А.Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. научн. статей, посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана: «Сарыарка», 2014. С. 534–547.
24. Сабитов Ж.М. Генеалогия торе. Астана: Сигнет Принт, 2008. 328 с.
25. Соколов Д.Н. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. 13. Оренбург, 1904. 96 с.
26. Галасбаева А.К. Родоплеменные тамги найманов по архивным источникам XVIII–XIX вв. // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: сб. матер. междунар. научн. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 283-287.
27. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Восточное отд. Киргизского гос. изд., 1925. 64 с.
28. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.

29. Castagne J. Les Tamgas des Kirghizes (Kazaks) // Revue du Monde Musulman. Vol. 47. Paris, 1921. P. 28–64.

30. Samashev, Samat K. Kazakh Tamgas. Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / edited by Joam Evans Pim; Sergey A. Yatsenko and Oliver T. Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 331–340.

ПЛЕМЯ	ИСТОЧНИКИ	САРЫУЙСЫН	АЛБАН	СУАН	ДУЛАТ	ЖАЛАЙЫР	ШАПЫРАШТЫ			
	Гродеков, 1889.									
	Тынышпаев, 1925.									
РОД	Гродеков, 1889.					БОТБАЙ	СЫБЫМ	ШЫНЫР	ЖАНЫС	ШЫБЫС
	Тынышпаев, 1925.									
	Аргынбаев, Муканов, Востров, 2000.									

ПЛЕМЯ	САРЫУЙСЫН	АЛБАН					СУАН	ДУЛАТ			
РОД	КАША	КЫЗЫТБОРИК	КОНЫРБОРИК	ШОГАН	АЛЖАН	ЖАРТЫ	АЙТ	БОЗЫМ	ТОКАРЫСТАН	БОТБАЙ	ЖАНЫС
ОТДЕЛЕНИЕ					АЛАМАН	КЫСТАК	БАБА, ЖАНЫБЕК	ТУРСЫН	КУДАЙСҰЛ	КАСКАРАУ, БАЙЫС	

Рис. 1. Схема сравнительного анализа литературных источников (вверху) по тамгам казахов Старшего жуза и по архивным документам XIX в. из фондов ЦГА РК (внизу). Составитель: А.Е. Рогожинский, 2016 г.

ПЛЕМЯ РОД	Андрев 1785	Лёвшин 1832	Мейер 1865	Гродеков 1889	Аристов 1894	Коншин 1905	Тынышпаев 1925	Аманжолов 1959	Востров, Муканов 1968	Аргынбаев, Муканов, Востров, 2000	Документы ЦГА РК XVIII-XIX вв.
НАЙМАН											
Теристамгалы											
Сарыжомарт											
Баганалы											
Балталы											
Каракерей											
Матай											
Садыр											

Рис. 2. Схема сравнительного анализа источников по тамгам найманов Среднего жуза. Составитель: А.К. Таласбаева, 2014 г. [Таласбаева, 2014, рис. 1]

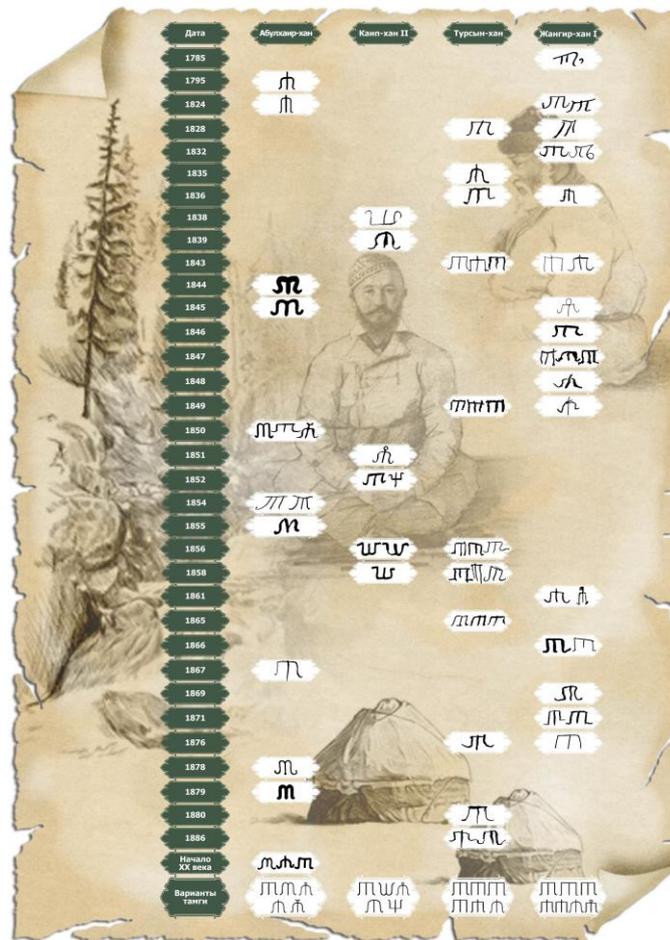

Рис. 3. Распределение разновидностей тамги торе по хронологии и отдельным фамильным ветвям. Составитель: А.Е. Рогожинский, 2016 г.

УДК 929.5

М.А. Сулейменов
 Инновационный Евразийский университет,
 Павлодар, Казахстан

А.Н. БУКЕЙХАНОВ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Статья посвящена формированию личностных и общественных качеств деятеля казахского национально-освободительного движения А.Н. Букейханова.

Ключевые слова: Алихан Букейханов, казахский народ, торе, чингизид, Омск.

М.А. Suleymenov
 Innovative Eurasian university,
 Pavlodar, Kazakhstan

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая
Республика
РФ – Российская Федерация
СГА ВКО РК – Семипалатинский государственный архив Восточно-
Казахстанской области Республики Казахстан
Сиббюро – Сибирское бюро
Сибревком – Сибирский революционный комитет
СМИ – средства массовой информации
СНГ – Содружество Независимых Государств
СНК – Совет Народных комиссаров
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических республик
СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной
Республики
США – Соединенные Штаты Америки
ТИАЭ АН Каз. ССР – Труды института истории, археологии и
этнографии академии наук Казахской Советской Социалистической республики
ТОКМ – Тюменский областной краеведческий музей
ТүркОАК – Түрікмен орталық атқару Комитеті
Уисполком – уездный исполнительный комитет
УНХУ – Управление народнохозяйственного учета
ХКК – Халық Комиссарлар Кеңесіне
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГМ РК – Центральный Государственный музей Республики Казахстан
ЦДННАО – Центр документации новейшей истории Оренбургской области
ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет
ЦК ВКП (б) – Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической
партии (большевиков)
ЦСУ Госкомстата – Центральное статистическое управление
Государственного комитета статистики
ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ШКМ – школа коммунистической молодежи
ЮКГУ – Южно-Казахстанский государственный университет им. М.О.
Ауэзова

Фото слева направо:

1. Гостиница Россия и вид на Любинский проспект. Омск.

// Старый Омск. История в фотографиях.

URL: <https://fotki.yandex.ru/next/users/sontucio/album/13033/view/302320>

2. Мечеть в Новослободском форштадте. Омск. Фото начала XX века

// Старый Омск. История в фотографиях.

URL: <https://fotki.yandex.ru/next/users/sontucio/album/13033/view/302338>

3. Императора Александра III Механико-Техническое училище. Омск.

URL: [https://yandex.ru/images/search?img_url=http%3A%2F%2Fimg-fotki.yandex.ru%2Fget%2F9058%2F97833783.421%2F0_b2d56_b769d12a_XXXL.jpg&text=](https://yandex.ru/images/search?img_url=http%3A%2F%2Fimg-fotki.yandex.ru%2Fget%2F9058%2F97833783.421%2F0_b2d56_b769d12a_XXXL.jpg&text=фото%20технического%20училища%20омск%20в%20начале%20xx%20века&noreask=1&pos=7&lr=66&rpt=simage)

[фото%20технического%20училища%20омск%20в%20начале%20xx%20века&noreask=1&pos=7&lr=66&rpt=simage](https://yandex.ru/images/search?img_url=http%3A%2F%2Fimg-fotki.yandex.ru%2Fget%2F9058%2F97833783.421%2F0_b2d56_b769d12a_XXXL.jpg&text=фото%20технического%20училища%20омск%20в%20начале%20xx%20века&noreask=1&pos=7&lr=66&rpt=simage)

4. А. Букейханов в период учебы в Императора Александра III

Механико-Техническом училище. Омск, 1889 г.

// Freemasonry – Қазақстандағы масондық

URL: <http://freemasonry.kz/index.php/ru/2015/08/30/alihan-bokeihan/>